

«Ужас» как элемент этико-философской лексики

*этико-философская лексика, история русского языка,
лингвокультурология, Древняя Русь*

Основы русской философской мысли стали закладываться уже в феодальный период. В это же время стала формироваться и этико-философская лексика. Она представляла собой пласт слов, имеющих как национальное, так и интернациональное содержание. Выявление этого соотношения позволяет прояснить собственное самосознание русского народа. Философия Древней Руси явилась отражением исторического развития народа в XI–XIV веках, включив в себя элементы языческого прошлого и испытав сильнейшее воздействие христианской идеологии, ставшей начальным пунктом формирования философской мысли на Руси в целом.

Философия Древней Руси полисемантическая: познание всеохватывающе, мысль – вершина человеческого самосознания, философия как высшая духовная ценность, соотношенная с понятием божественная «Премудрость». Изучение особенностей мировоззрения через специфику лексики – характерная черта современного языкознания. Н.О.Лосский правомерно называет одной из основных черт русского народа «его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [Лосский 1998: 68]. Начиная с середины XI в. на Руси возникает целый ряд философских понятий и символов, которые породили пласт этико-философской лексики.

Одним из таких понятий, занимавших важное место в религиозно-философском сознании Древней Руси, является понятие «ужас». В сознании древнерусского человека понятия «ужас», «страх» и «трепет» часто сближались. В дальнейшем они подверглись десакрализации, приобрело более профанный смысл. В то же время русский философ Н.А.Бердяев писал: «Тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение» [Бердяев 2003]. Согласно мнению философа, испытывая ужас, личность может совершенствоваться, обогащаться. Исторически в русском сознании «ужас» представлен тремя основными формами:

1) Ужас перед смертью. В этом случае личность не принимает свою смерть, не соглашается с ней, это ужас конкретный который может раскрыть человека.

2) Ужас утратить смысл существования. В данном виде необходимо говорить об ужасе экзистенциальном, иррациональном, рационализм не помогает преодолеть этот ужас, он вне бытия.

3) Ужас тоски. Этап, когда человек предстает перед тайнами бытия, этот тип ужаса обретает нравственное значение, так как личность начинает стремиться к некоему идеалу.

Если отойти от философского содержания и обратиться к лексическому значению слова «ужас», то в словарях его значение определяется как вид эмоции.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н.Ушакова обнаруживаем следующие значения слова *ужас*: 1. 'Чувство сильного страха, испуга приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета'. 2. 'Трагичность, безвыходность'. 3. 'Изумление, вызванное негодованием, отвращением' и др. [Ушаков 2005: 705]. В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой даны такие значения: 1. 'Чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета'. 2. 'Безвыходность, трагичность'. 3. 'Вызывающее такое чувство страшное явление, случай'. 4. 'Изумление, вызванное негодованием, отвращением' и др. [Ефремова 2009: 544].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля *ужас* определяется следующим образом: 'Состояние ужасающего, внезапный и самый сильный страх, страсть, испуг, внутреннее содрогание, трепет, от боязни и отвращения // Самый предмет, ужасающий вид, случай // Страх, страшно, ужасно // Очень, в высшей степени' [Даль 2009: 445].

На протяжении множества веков слово *ужас* употреблялось чаще всего в своем основном значении: 'состояние сильного страха, эмоция изумления, безысходности, трагедия в жизни'. Это явление находится вне естественного порядка, поэтому можно говорить об иррациональности «ужаса», так как с ужасом разум справиться не может.

В Словаре Срезневского *ужас* имеет значения 'страх', 'трепет', 'отчаяние', 'исступление' [Срезневский 1958, Т. III: 1162], что свидетельствует о близости значений, синонимичности лексем *ужас*, *страх*, *трепет*. Понятия «страх» и «ужас» смешиваются, одно объясняется другим. Это, с одной стороны, закономерно, так как понятия связаны с экстремальными переживаниями, иррациональностью, с другой стороны, *ужас* – это максимизация страха, когда есть угроза смерти.

В то же время, если *страх* входит в христианские добродетели, он необходим для веры и стоит рядом с любовью, надеждой, то *ужас* – явление иного порядка, особенное состояние духа человека (*страх* не может передать это состояние). В истории религиозной философии принято говорить о «страхе Божьем», но никогда не используется сочетание «ужас Божий».

В древнерусском сознании *ужас* предстает в трех формах: как форма выражения эмоций; как синоним слова *страх*; как понятие, связанное с метафизическим состоянием человека. В последнем случае *ужас* универсален, он выявляет метафизическую часть человека, здесь необязательна вера или её отсутствие. Данная лексема, как было отме-

чено, связана со смертью, человек, чувствуя близость или неотвратимость смерти, обозначает свою реакцию.

Связь ужаса с отчаянием, тоской в русской философской религиозной традиции раскрывает этический смысл данного слова. Через преодоление ужаса человек может совершенствоваться, стремиться к идеалу. Чтобы проиллюстрировать отмеченные тенденции обратимся известному произведению древнерусской литературы – «Житию Феодосия Печерского» [Древнерусская литература 1997: электронный ресурс].

Отец же наш Феодосий, вся си слышав, не убояся духом, ни ужасеся сердцем, но оградився оружием крестным, и нача пети Псалтырю Давидову (Л. 41 об.). В данном отрывке используется глагольная форма с основой ужас с возвратной частицей -ся в значении «ужаснуться, поразиться».

Тогда же страх и трепет обьят мя, якоже хотети ми бежати от места того, яко аще не бы Господь помогл ми. Се бо малы воспрянув от ужасту, и нача прилежно Бога молити и часто поклонение коленом творити, тако отбежав от мене страх, яко от того часа не бояти ми ся их, яко пред очима моима являхут ми ся» (Л. 52 об.). В данном отрывке фиксируется сразу 3 близких по значению слова: *страх*, *трепет*, *ужасть*. Если первые два слова используются в качестве однородных членов, близких по семантике, то слово *ужасть* используется для выражения интенсификации эмоции в значении «жуть, страсть».

Сущи же в церкви с блаженным не разумеша, ни чюда того. Они же, видевшие чюдо се, ужасошася, и трепетнии быша, возвратишася в дом свой (Л. 59). Состояние ужаса выражается глагольной лексемой, за которой следует составное именное сказуемое с адъективом *трепетнии*.

«Первое, брате Климентей, изнеси си Еуангелие святое, еже имаши в пазусе своей еже обещал еси дати святей Богородици, ти тогда сядем». Се слышав, он ужасеся проповеданию преподобнаго, не бе бо никому о том возвестил (Л. 60 об.). В данном примере актуализируется третье значение лексемы *ужас*, потому что речь идет об испытании веры, человек испытывает «ужас» бытия, когда рациональное не способно ему помочь.

Есть бо мала гора, надлежащи над монастырем тем, и человеку тому туда в нощи по ней едущу, и се видети тому чюдо исполне ужасту (Л. 74). Здесь слово *ужасть* представлено в ином, втором значении, то же самое, что и «страх».

В утрии же день прииде изумен со всею братиею к умершему, и обретоша и сидяща, и плачуща ся, и ужасошася видевшие того оживша (Л. 113 об.). Глагольная форма слова с -ся в данном случае передает третье значение, состояние, возникающее при столкновении человека со смертью, ее иррациональностью, с чем-то за гранью разумного понимания.

И вси во ужасту бывше от великих чудес. Обишедше же трижда, начаша пети: «Возмете врата», и не бы иже бы отпел в церкви «кто се есть Царь славы», не бе бо ни един в церкви, дивящися епископом приходу, многу же молчанию бывшую. (Л. 143 об.). Реализуется третье значение, передающее то, что человеческое сознание не способно в одиночку справиться с «чудом», для осознания и, самое главное, принятия этого человеку нужно пережить метафизический «ужас».

И некто от позоратаи тех сказа о Феодоре, я же створи чудеса, и во ужасту быв князь, глагола чернцю: «Погубляеши себе, не дадыи скровища, еже нам достойно» (Л. 192–192 об.). В данном случае значение слова *ужас* сближается со словом *страх*, который понимается как «страх Божий», который испытывает веру и приближает к Богу.

Несмотря на то, что в современной культуре прослеживаются тенденции к десакрализации многих понятий, традиционно связанных с представлением о божественной сущности явлений, стремление к исключению страдания из жизни, связанное с общей гедонистической установкой, этико-философская лексика по-прежнему сохраняет глубинные смыслы, заданные религиозной традицией. В древнерусской литературе *ужас* представал как нравственное явление, имел духовное значение наравне с понятием «страх». Об этом свидетельствует их сближение во многих контекстах, в то же время для слова *ужас* наиболее важным является значение, характеризующее метафизическое состояние человека, невозможность рационально объяснить происходящее. Поэтому мы относим «ужас» к этико-философской лексике, которая оказывает существенное влияние на духовную и нравственную жизнь человека.

Литература

Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А.Бердяев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 701 с.

Гришин А.А. Ужас и смерть в этико-философском контексте / А.А.Гришин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (56). – Ч. 2. – С. 58–61.

Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии / М.Н.Громов. – М., 1997. – 289 с.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И.Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.

Житие Феодосия Печерского. – СПб., 1998–2018. – URL: <http://expositions.nlr.ru/literature/drevrus/11.php?v=XI> (дата обращения: 07.09.2018)

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка / Т.Ф.Ефремова. – М.: АСТ, 2005. – 1168 с.

Кьеркегор С. Понятие страха / С.Кьеркегор // Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О.Лосский. – М.: Ключ, 1998. – 98 с.

Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. / И.И.Срезневский. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. III. – 1684 стлб.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н.Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.